

*Пробст Н.А.**

**КОЛОВРАТ ПРОТИВ КРЕСТА:
КОНФЛИКТНАЯ КОММУНИКАЦИЯ МЕЖДУ
СТОРОННИКАМИ НЕОЯЗЫЧЕСТВА И ПРАВОСЛАВИЯ
В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ^{©1}**

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые основные аспекты реализации конфликтной коммуникации между сторонниками православия и славянского неоязычества («родноверия»). Анализируются особенности взаимоотношений указанных религиозных течений, выявляются причины и уровни их противостояния – в том числе и на уровне ключевых культурных символов. Также исследуется комплекс языковых средств репрезентации соответствующей конфликтной коммуникации в русскоязычном интернет-дискурсе.

Ключевые слова: социолингвистика; православие; неоязычество; «родноверие»; конфликтная коммуникация; стратегии конфликтного поведения; речевая агрессия.

** Пробст Никита Артурович – кандидат филологических наук, доцент образовательно-научного кластера «Институт образования и гуманитарных наук» Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта. Калининград, Россия, e-mail: NProbst@kantiana.ru*

Probst Nikita Arturovich – PhD in Philology, linguist, Associate Professor of the educational and Scientific cluster “Institute of Education and Humanities” of the Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia, e-mail: NProbst@kantiana.ru

[©] Пробст Н.А., 2023

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 22-18-00591 «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования» в БФУ им. И. Канта (Калининград).

Поступила: 25.01.2023

Принята к печати: 20.02.2023

Probst N.A.

The Colovrat vs the Cross: conflict communication between neopagans and orthodoxies in internet-discourse

Abstract. The article considers some of the main aspects of the implementation of conflict communication between supporters of Orthodoxy and Slavic neo-paganism (“rodnoverie”). It analyses the features of the interaction between these religious movements and the causes and levels of their confrontation, including at the level of key cultural symbols. Also it researches the complex of linguistic means of representation of the corresponding conflict communication in the Russian-language internet-discourse.

Keywords: sociolinguistics; Orthodoxy; neo-paganism; “rodnoverie”; conflict communication; conflict behavior’s strategies; speech aggression.

Received: 25.01.2023

Accepted: 20.02.2023

Для цитирования: Пробст Н.А. Коловрат против креста : конфликтная коммуникация между сторонниками неоязычества и православия в интернет-дискурсе // Вестник культурологии. – 2023. – № 2(105). – С. 215–228. DOI: 10.31249/hoc/2023.02.12

Введение

Проблема славянского неоязычества («родноверия») как политического и социокультурного явления на сегодняшний день получила освещение в значительном числе работ (см., например: [Кавыкин, 2007; Гайдуков, 2013; Бесков, 2014; Шиженский 2017; Жбанников, 2019 и мн. др.]). При этом, насколько мы можем судить, сохраняет актуальность исследование динамики взаимоотношений между российским неоязычеством и другими общественными и религиозными институтами нашей страны, в частности – Русской православной церковью. Одним из интересных аспектов указанной темы является рассматриваемый нами в настоящей статье вопрос об особенностях конфликтной коммуникации между сторонниками православия и аполо-

гетами «родноверия». При этом мы в целом не будем затрагивать фундаментальные вопросы религиозно-философского характера, связанные с основами христианского (православного) и неоязыческого учений, их сходствами и различиями.

Материал

В качестве фактического материала нами были выбраны тексты русскоязычных комментариев к различного рода медиаматериалам (видеороликам, постам, статьям), посвященным вопросам религии и отечественной истории и размещенным в социальных сетях – Youtube [Youtube], ЯндексДзен [Дзен] и др. Выбор данного материала неслучаен: как известно, жанр интернет-комментария является одним из наиболее репрезентативных и удобных для изучения форм реализации картины мира современного русскоязычного человека в текстовом пространстве (см., например: [Стексова, 2013; Абдуллина 2016 и др.]).

Сразу отметим, что рассматриваемую тему мы разрабатываем сравнительно недавно и потому располагаем пока незначительным по объему корпусом соответствующих примеров (суммарно составляющим менее 100 единиц). Следовательно, озвученные в настоящей статье выводы и наблюдения носят предварительный характер.

Прежде чем непосредственно приступить к данному вопросу, мы считаем необходимым в общих чертах рассмотреть основополагающие причины соответствующего конфликта. На первый взгляд это очевидно: с момента Крещения Руси князем Владимиром православная церковь инициировала и последовательно вела на протяжении веков широкомасштабную и жесткую борьбу со славянскими языческими верованиями и их наследием в народной религиозно-бытовой жизни. Логично, что современные неоязычники, считая себя наследниками дохристианской славянской культуры, относятся к РПЦ и православию как к ключевому принципиальному противнику. Однако, по нашему убеждению, ситуация сложнее (и в социальном отношении значительно опаснее), чем кажется на первый взгляд. Хотя бы потому, что современное славянское неоязычество и язычество дохристианской Руси – явления, в лучшем случае слабо коррелирующие между собой как по форме, так и по идейно-философской сути, а равно и по социокультурному значению.

Изучение научной литературы по данной теме, наблюдение за особенностями полемики «родноверов» и их православных оппонентов на пространствах Рунета, а также определенный опыт личного общения с неоязычниками позволяет нам предположить, что первоочередными причинами негативного отношения к православию со стороны рядовых «родноверов» и сочувствующих этому движению являются следующие.

1. Крайне низкий уровень знания большинством современных россиян (включая, кстати, относящих себя к православным) принципиальных основ православной религии и культуры. В результате последнее воспринимается ими либо как совокупность оторванных от реальной жизни догм и правил, либо как традиционный инструмент государственной пропаганды (либо одновременно и то и другое). Отсюда же проистекает излюбленный тезис «родноверов» о рабской сущности православия.

2. «Неславянский» генезис христианства и связанная с этим фактом идея о предназначении данной религии как иудеовизантийского инструмента идеологического «закабаления» славянских народов. Весьма емко суть соответствующих претензий к православию выразил известный идеолог славянского неоязычества А. Добровольский: «Христианство лишь подстилка сионизма, религия, делающая людей рабами без всякой борьбы. Срочно необходимо осознать: идет отечественная война против иудейских поработителей» [Добровольский, 2005, с. 251].

3. Отношение к Русской православной церкви как инструменту государственного влияния с сомнительной репутацией. Как отмечает в этой связи А.А. Бесков: «Парадокс в том, что само российское православие (точнее, имидж РПЦ) и является в определенной степени катализатором развития русского неоязычества» [Бесков, 2017, с. 173].

Противостояние между православием и «родноверием», на наш взгляд, имеет три уровня.

Идейно-философский

Идеологи «родноверия» (Доброслав (Александр Добровольский), Богумил (Донат Гасанов) Велеслав (Илья Черкасов) и др.), в противовес извечному идейному противнику в лице православия, предлагают

различные варианты концепции политеистического мироустройства, предполагающие собственный вариант организации взаимоотношений между человеком и миром «высших сфер» и, соответственно, свой набор ключевых экзистенциально-ценностных установок.

Социокультурный

«Родноверие» либо отвергает любые связанные с православием достижения русской культуры за последние 1000 лет, либо противопоставляет их величию некоего дохристианского «золотого века», либо постулирует идею о несравненно большем, нежели польза, вреде внедрения православия как государственной религии. Существующие в современном российском обществе проблемы «родноверы» также склонны рассматривать как закономерный результат «предательства веры предков» (см., например: [Пробст, 2021, с. 174–175]).

Политический

Хотя многие течения «родноверов» декларируют подчеркнутую дистанцированность от политической жизни России, реализовать такую автономию на деле невозможно. Мы полагаем, что современные неоязыческие идеологи прекрасно осознают потенциал «родноверия» как идеологической основы серьезного политического движения. Но этот потенциал опять же сталкивается с уже используемым нашим государством потенциалом Русской православной церкви. Очевидная нерелевантность этих потенциалов не исключает возможностей использования «родноверия» внутренними и / или внешними политическими силами для достижения как локальных целей в настоящем, так и более глобальных задач в будущем.

В контексте всего сказанного выглядит довольно символичным заявленное в заглавии настоящей статьи сопоставление символов рассматриваемых религий, в качестве которых выступает православный крест (традиционно восьмиконечный) и так называемый колдоврат.

В последнем символе весьма ярко, на наш взгляд, отражается специфика мировосприятия «родноверов». В широкий обиход изображение восьмилучевой звезды с загнутыми на левую сторону лучами предложил уже упоминавшийся «патриарх» «родноверия» А. Добро-

вольский, он же, по имеющимся у нас данным, предложил данное название (см.: [Добровольский, 1995]). Коловрат активно представлен в геральдике и символике многих «родноверческих» объединений – например, его можно увидеть на гербе одной из крупнейших неоязыческих организаций – Союза славянских общин славянской родной веры (см.: [ССО СРВ]). Коловрат, по мнению «родноверов», представляет собой «столп Родной Веры», «светлый, солнечный символ, который сопровождал наших Предков Славян в славных делах» [Славянское Родноверие]. Соответственно, в «родноверческой» трактовке коловрат является символом солнца, обозначающим «вечное вращение в Природе: день и ночь, годовой цикл и смену космических эпох». В семантическое пространство рассматриваемого знака также могут включаться дополнительные коннотации, связанные с проповедуемыми «родноверами» идеями духовного возрождения посредством духовного единения с великими славянскими предками и их богами: «Коловрат освещает жизненный путь, ведущий по стезе Прави, завещанной нам нашими Великими Богами и Предками [Коловрат].

При этом, как и крест для христиан, коловрат (как в виде графического изображения, так и в форме материального оберега) в религиозном и бытовом дискурсе выполняет идентификационную (социально-репрезентативную) и охранительную функции.

Таким образом, по нашему субъективному мнению, уже на уровне используемых символов, по сути, задается ключевой вектор противостояния «родноверия» и «православия». Крест – обозначение связи человека и мира [Мэтьюз, 1994, с. 7; Пермиловская, 2020, с. 246 и др.], принадлежность человека к мировой религии, предлагающей своим сторонникам подавление в себе зла с божественной помощью через смирение и покаяние. Коловрат – знак связи с «исконной верой», с «родными» предками и символ приверженности приписываемым им идеалам вроде личной свободы, воинской доблести и т.д., освещающий путь человека, на котором боги – пусть могущественные, но лишь союзники человека. В этом контексте очевидное внешнее сходство коловрата со свастикой само по себе тоже является довольно показательным (и, учитывая характер воззрений популяризовавшего данный знак А. Добровольского, вполне закономерным). Хотя сами «родноверы», как показывает опыт общения с ними, весьма последо-

вательно и эмоционально отрицают связь и своей религии, и ее символа с нацистской идеологией.

Конфликтная коммуникация

Все вышеперечисленное определяет в высшей степени конфликтный характер коммуникации между православными и «родноверами». В интернет-дискурсе, где коммуниканты, как правило, не ограничены в свободе выражения своего мнения, конфликтность такой коммуникации возрастает многократно, а ее реализация приобретает предельную выраженность и интенсивность.

Здесь следует сделать небольшое отступление и упомянуть, что собственно РПЦ, согласно заявлениям ее официальных представителей¹, считает нецелесообразным на официальном уровне в принципе вступать в диалог с руководством неоязыческих религиозных формирований. Это, насколько мы можем судить, не отменяет возможности участия отдельных священников или богословов в открытых дискуссиях с апологетами «родноверия». И тем более РПЦ не может ограничить диалог с неоязычниками мирянам. В результате на просторах Рунета не утихают жаркие битвы между теми, кто считает себя православными христианами, и борцами за «веру предков», причем с применением всего арсенала языковых средств дискредитации противника.

Общеизвестно, что отличительными чертами конфликтной ситуации, как и конфликтного дискурса в целом, является реализация антиэтикетных целей, противоречащих позитивной направленности общения и ведущих к дестабилизации отношений участников коммуникации [Каразия, 2006, с. 78]. Разумеется, далеко не все зафиксированные нами ситуации интернет-общения между представителями православия и неоязычества можно охарактеризовать как конфликтные. Часто это общение можно квалифицировать как спор или дискуссию – т.е. более рациональную, логически и фактологически обоснованную и продуктивную форму отстаивания истинности своей позиции, не направленную на дискредитацию соперника. Однако с весьма высокой – во всяком случае, по нашим наблюдениям – частотностью

¹ См., например: URL: https://k-istine.ru/sects/sects_ilarion.htm

коммуникация между членами рассматриваемых религиозных групп все же имеет выраженно конфликтный характер.

Отправной точкой (триггером) конфликтной ситуации в рассматриваемом случае обычно может выступить размещенное под определенным медиаматериалом сообщение или ответ на данное сообщение.

Индикатором перехода коммуникации в стадию конфликтной становится продуцирование одним из коммуникантов сообщения (комментария), адресованного конкретному участнику (-ам) общения и содержащего маркеры агрессивного речевого поведения, имплементирующего интенции адресата, связанные с унижением чести и достоинства оппонента (-ов), осмеяния его взглядов и т.д. В анализируемых нами примерах инициаторами указанного явления в 60% случаев оказываются представители неоязычества.

В рамках рассмотренного нами материала носители обоих типов мировоззрения демонстрируют склонность к конфронтационной стратегии конфликтного поведения. В некоторых случаях нами наблюдалась возможность перехода коммуникантов (преимущественно представителей православного мировоззрения) к стратегии дистанцирования с использованием тактики «отказ от диалога», например:

1) **Коммуникант 2:** *извините, я не общаюсь с неадекватными людьми, несущими ахинею. Мое время слишком дорого для меня, поэтому не беспокойтесь, пожалуйста;*

2) **Коммуникант 2:** *такой бред не рассматривается. С вами общаться – себя не уважать, всего наилучшего.*

Конфликтный характер рассматриваемой коммуникации детерминирует использование довольно широкого спектра средств репрезентации агрессивной речеустановки. Так, коммуниканты используют следующие типичные языковые средства конфликтного общения.

1. Оскорбления (по национальному, интеллектуальному и т.д. признакам), включая использование нецензурной лексики:

– православные:

Коммуникант 1: *...И я вас разочарую: будучи легковерным и глупым подростком я считал себя христианином и ходил в церковь. Но теперь время детских глупостей прошло, мне уже 42, у меня 5 детей и я вполне могу отличить ваши еврейские мифы и легенды от реальности. И да, я действующий военнослужащий.*

Коммуникант 2: На статью 282 Уголовного Кодекса РФ – вы тут уже наговорили, фейковый «отец 5 детей». Вы шестерка уголовницы Пеуновой. Так что врите хотя бы правдоподобней.

– «родноверы»:

Коммуникант 1: Кто, по-твоему, сейчас образец морали? хачи, которые в 14 лет замуж выдают своих? хорошо, давайте тоже своих замуж пораньше и за мужиков лет на 10–15 старше, так всегда было, и на Руси это всегда принято было, и должно быть, тогда не будет разврата. **а то п****шь как баба-кликушка. ой, наших вы****ли, ой казды.** так ты выдавай за мужиков **сука а не п****и.**

Данный инструмент направленный на дискредитацию оппонента и дестабилизацию его эмоционального состояния, в нашей подборке является наиболее частотным (примерно 30% от общего числа зафиксированных примеров). Отметим при этом, что нами не были зафиксированы случаи использования ненормативной лексики христианами.

2. Грубое требование:

– православные:

Коммуникант 1: “Кабинетная мифология” – это ваша христианская мифология. Почему не нашим-то богам поклоняемся? Почему?

Коммуникант 2: Пруфы давай, поганист.

– родноверы:

Коммуникант 1: ахахахахах. Раз мы перешли на ты, то **показывай где в твоей Библии сказано что-то про церковь или что нужно строить храмы? Или и дальше верь в подделку, скопированую с иудаизма.**

3. Упрек:

Коммуникант 1: Ооой! Как у всех сознание помутнилось, как же вас всех обдурили??? **Предков бесами называете? Родную веру на Еврея променяли!**

4. Обвинение:

Коммуникант 1: **твое светлое христианство на крови создано, миллионы жизней забрали ради их него Бога Яхве.**

В основном данный инструмент активнее всего используется неоязычниками.

5. Издевка, насмешка:

– православные:

Коммуникант 1: Церковь помогает государству только потому что она хочет получать финансовые подачки.

Коммуникант 2: Какой ты умный! Я вот 35 лет в церкви и ни разу не получил ни одной «подачки»... Адресок черкни, куда за подачками обращаться?.. :(

– родноверы:

Коммуникант 1: так же тогда ваша вонючая религия неоязычество тоже это субкультура.

Коммуникант 2: Да ты красавчег!!! Ты реально умеешь убеждать!))))

Необходимо отметить, что отличительными чертами конфронтационной коммуникации «неоязычник – православный» выступает активная эксплуатация представителями «родноверия» тем «национального вопроса» (преимущественно в антисемитском духе) и «духовного (а также социального) рабства»):

1) **Коммуникант 1:**...христиане предали род свой, землю свою, поэтому и пошло все через одно места с начала крещения Руси. Перед смертью проснитесь, когда ваш бог, сделавший вас рабами, не придет.

2) **Коммуникант 1:** Так ты не славянка. Ты еврейка!

Коммуникант 2: У меня дед казак :)

Коммуникант 1: А чё тогда евреям молишься? Историю почитай хотя бы.

По нашим наблюдениям, обращение к указанным темам может следовать как практически сразу в начале диалога, так и в ситуациях исчерпания неоязыческой стороной других аргументов (при этом, кстати, диалог нередко заканчивается).

Выводы

Проведенные в рамках данной статьи наблюдения и анализ позволяют сделать следующие выводы.

Модель речевого поведения, выбираемую сторонниками «родноверия» в процессе конфликтного общения в социальных сетях, как показывают наши наблюдения, часто можно охарактеризовать как выражено агрессивную, более того – к реализации указанной модели в тех случаях, которые нам удалось зафиксировать, неоязычники пере-

ходили очень быстро. Православные, как правило, выбирают более пассивную модель конфликтного речеповедения, их участие в конфликтном общении в большинстве случаев носят не иницирующий, а реактивный характер.

Описанное положение дел, по всей видимости, обусловлено следующими факторами:

1) степень нормированности поведения (в том числе речевого) членов религиозного сообщества, определяемая устно и письменно закрепленными установками и правилами их религии (в православии эти нормы прописаны более четко и однозначно, чем в неоязычестве);

2) уровень общей речевой культуры (которая, к большому сожалению, в случае всего нашего русскоязычного интернет-сообщества оставляет желать лучшего);

3) уровень знания и понимания (или, скорее, *незнания и непонимания*) сути религиозного учения оппонента (в отсутствие оных оппонентам остается только прибегать к аргументации *adhominem*).

К возможным причинам мы также отнесли бы возраст участников общения (по непроверенным данным, процент молодежи среди активных «интернет-неоязычников» выше, чем у сторонников православия).

Следует понимать и другое: среда «родноверов» неоднородна и включает в себя значительное количество как сторонников изначально радикально правых взглядов (для которых неоязычество, по сути, лишь культурная «обертка»), так и жертв длительной и эффективной психологической обработки со стороны различных «гуру» и «духовных отцов» (а то и собственных родителей). Сколь-либо продуктивный диалог с такого рода контингентом невозможен в принципе: они активно сопротивляются любым – реальным или кажущимся – попыткам посягательства на истинность их учения, что почти неизбежно порождает конфликт. Разумеется, подобное можно отнести и к ряду представителей православного мировоззрения, находящихся под влиянием религиозного фанатизма. Но конкретно в рамках нашего исследования (результаты которого, подчеркнем это еще раз, пока являются предварительными) нами были зафиксированы лишь единичные случаи подобного рода.

Таким образом, возвращаясь к заявленному в названии данной статьи противостоянию креста и коловрата, считаем возможным вы-

разить следующее (безусловно, крайне субъективное) мнение: если православный крест исторически является универсальным культурным символом, сопутствующим – как минимум на официальном государственном уровне – процессам трансформации конгломерата разнородных восточнославянских образований в единый народ, то колорит – символ размежевания последнего по религиозному и национальному признаку, что в актуальных геополитических условиях особенно опасно.

Список литературы

Исследования

Абдуллина Л.Р. Интернет-комментарии как отражение национального мировосприятия (на материале французского и русского языков) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Филология. Журналистика. – 2016. – № 1. – С. 5–6.

Бесков А.А. Парадоксы русского неоязычества // Colloquium Heptaplomeres. – 2014. – № 1. – С. 11–23.

Бесков А.А. Причины возникновения феномена русского неоязычества // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. – 2017. – Т. 21. – С. 169–179.

Гайдуков А.В. Славянское новое язычество в России : опыт религиоведческого исследования // Новые религии в России: двадцать лет спустя : материалы Международной научно-практической конференции. Москва, Центральный дом журналиста, 14 декабря 2012 г. – Москва, 2013. – С. 169–180.

Добровольский А. Слава Яриле! – Москва, 1995. – URL: <https://web.archive.org/web/20160603001045/http://dobroslav.info/slava-yarile-1995/>

Добровольский А. Язычество как волшебство. – Москва : Слава!, 2005. – 304 с.

Жбанников С.В. Родноверие в культуре молодежи современной России // Энигма. – 2019. – № 14–1. – С. 92–96.

Кавыкин О.И. «Родноверы». Самоидентификация неоязычников в современной России. – Москва : Ин-т Африки РАН, 2007. – 232 с.

Каразия Н.А. Лингвопрагматическое исследование конфликтного дискурса // Вестник Камчатской региональной ассоциации «Учебно-научный центр». Гуманитарные науки. – Петропавловск-Камчатский : Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга, 2006. – № 2. – С. 72–88.

Мэтьюз Т. Преображающий символизм византийской архитектуры и образ Пантократора в куполе // Восточно-христианский храм. Литургия и искусство. – Санкт-Петербург, 1994. – С. 7.

Пермиловская А.Б. Символика мирового дерева и креста в традиционной культуре и христианстве // Верхневолжский филологический вестник. – 2020. – № 2(21). – С. 245–250.

Пробст Н.А. Идеиные предпосылки деформации исторической памяти // Фейки: коммуникация, смыслы, ответственность : коллективная монография / под ред. Г.Л. Тульчинского. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2021. – С. 166–183.

Стексова Т.И. Речевая агрессия в интернет-комментариях как проявление социальной напряженности // Политическая лингвистика. – 2013. – № 3(45). – С. 77–81.

Шиженский Р.В. Особенности нового языка («новояза») русских язычников XXI века // Научное мнение. – 2017. – № 11. – С. 25–33.

Источники

ССО СРВ – сайт Союза Славянских Общин Славянской Родной Веры. – URL: <https://rodnovery.ru> (дата обращения: 03.02.2023)

Коловрат. – URL: <https://www.slavyarmarka.ru/slavyanskij-simvol-kolovrat/> (дата обращения: 29.12.2022)

Славянское Родноверие (статья). – URL: <https://zadumchiv.livejournal.com/911.html> (дата обращения: 29.12.2022)

Дзен – Яндекс. Дзен. – URL: <https://dzen.ru/>

Youtube – видеохостинг Youtube. – URL: <https://www.youtube.com>

References

Abdullina, L.R. Internet-komentarii kak otrazhenie nacional'nogo mirovospriyatiya (na materiale francuzskogo i russkogo yazykov) [Internet comments as a reflection of the national worldview (based on the material of French and Russian yazykov)]. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, no. 1, 2016, pp. 5–6. (In Russ.)

Beskov, A.A. Paradoksy russkogo neoyazychestva [Paradoxes of Russian Neo – Paganism]. In *Colloquium Heptaplomeres*, no. 1, 2014, pp. 11–23. (In Russ.)

Beskov, A.A. Prichiny vznikeniya fenomena russkogo neoyazychestva [The causes of the phenomenon of Russian neo-Paganism]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*, vol. 21, 2017, pp. 169–179. (In Russ.)

Gajdukov, A.V. Slavyanskoe novoe yazychestvo v Rossii: opyt religiovedcheskogo issledovaniya [Slavic New Paganism in Russia: the experience of religious studies research]. In *Novye religii v Rossii: dvadcat' let spustya. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Moskva, Central'nyj dom zhurnalista, 14 dekabrya 2012 g.* [New religions in Russia: twenty years later. Materials of the International Scientific and Practical Conference. Moscow, Central House of the Journalist, December 14, 2012]. Moscow, 2013, S. 169–180. (In Russ.)

Dobrovol'skij, A. *Slava Yarile!* [Glory to Yarila!]. Moscow, 1995. URL: <https://web.archive.org/web/20160603001045/http://dobroslav.info/slava-yarile-1995/> (In Russ.)

Dobrovol'skij, A. *Yazychestvo kak volshebstvo* [Paganism as magic]. Moscow, “Glory!” Publ., 2005. 304 p. (In Russ.)

Zhbannikov, S.V. Rodnoverie v kul'ture molodezhi sovremennoj Rossii [Rodnoverie in the culture of youth in modern Russia]. In *Enigma*, no. 14–1, 2019, pp. 92–96. (In Russ.)

Kavykin, O.I. «Rodnovery». *Samoidentifikaciya neoyazychnikov v sovremennoj Rossii* ["Rodnovers". Self-identification of neo-pagans in modern Russia]. Moscow, In-t Afriki RAN Publ., 2007. 232 p. (In Russ.)

Karaziya, N.A. Lingvopragmaticheskoe issledovanie konfliktного diskursa [Linguopragmatic study of conflict discourse]. In *Vestnik Kamchatskoj regional'noj associacii «Uchebno-nauchnyj centr»*. *Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Kamchatka Regional Association "Educational and Scientific Center". Humanities]. Petropavlovsk-Kamchatskij, Kamchatskij gosudarstvennyj universitet im. Vitusa Beringa Publ., no. 2, 2006, pp. 72–88. (In Russ.)

Met'yuz, T. Preobrazhayushchij simvolizm vizantijskoj arhitektury i obraz Pantokratora v kupole [The transforming symbolism of Byzantine architecture and the image of the Pantocrator in the dome]. In *Vostochno-hristianskij hram. Liturgiya i iskusstvo* [Eastern Christian Temple. Liturgy and art]. Saint Petersburg. 1994. p. 7. (In Russ.)

Permilovskaya, A.B. Simvolika mirovogo dereva i kresta v tradicionnoj kul'ture i hristianstve [The symbolism of the world tree and the cross in traditional culture and Christianity]. In *Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik*, no. 2 (21), 2020, pp. 245–250. (In Russ.)

Probst, N.A. Idejnye predposylki deformacii istoricheskoy pamyati [Ideological prerequisites for the deformation of historical memory]. In *Fejki: kommunikaciya, smysl, otvetstvennost': kollektivnaya monografiya* / pod red. G.L. Tul'chinskogo [Fakes: communication, meanings, responsibility: a collective monograph / edited by G.L. Tulchinsky]. Saint Petersburg, Aletejya Publ., 2021, pp. 166–183. (In Russ.)

Steksova, T.I. Rechevaya agressiya v internet-kommentariyah kak proyavlenie social'noj napryazhennosti [Verbal aggression in Internet comments as a manifestation of social tension]. In *Politicheskaya lingvistika*, no. 3 (45), 2013, pp. 77–81. (In Russ.)

Shizhenskij, R.V. Osobennosti novogo yazyka («novoyaza») russkikh yazыchnikov XXI veka [Features of the new language ("Newspeak") of the Russian pagans of the XXI century]. In *Nauchnoe mnenie*, no. 11, 2017, pp. 25–33. (In Russ.)